

Бланк конкурсной работы Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» 2023/24 г.

1 страница

Субъект Российской Федерации / Государство, на территории которого располагается школа МИД / Республика Беларусь / Страна СНГ
Россия, Свердловская области
Город (населенный пункт)
Верхняя Тосица
Полное название образовательной организации
Муниципальное Автономное Образовательное Учреждение Средняя Образовательная Школа №3
Участник Конкурса
Фамилия
Жульенских
Имя
Мишака
Отчество
Стеговна.

Класс (курс) обучения участника Конкурса

9

Тематическое направление

Преступления против детства в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Жанр сочинения

Дневник

Тема сочинения

Свет надежды в аду.

Сочинение

„Свет надежды в аду“
 „Начало конца“

Я пишу этот дневник, чтобы оставить ясность своего рассужда. Задача концлагеря: уничтожить твою личность, свести человека к номеру на руке, а после и вовсе превратить в пепел. Чтобы не допустить этого, я должен увековечить свои мысли в этом дневнике, ибо ужасов подобного места никто не оставит равнодушным. Я надеюсь, что к концу войны весь мир узнает о зверствах этих лагерей, узнает всю нашу боль, страх, а главное, сочтет всех жертв этих бесчеловечных преступлений. Но всё по порядку.

Ещё в мае 1941 всё было отлично, мои с Олечкой, младшей сестричкой, размышляли о том, как проведем лето вместе, но война помешала нам это сделать. Без предупреждения фашисты ворвались в нашу станицу, отсюда, само собой, забрали на фронт. Я пишу этот дневник в мае 1943, и я не знаю, жив ли он сейчас. Узнав о войне, мама отправилась нас с Олей к нашей тётке в город, жеманящих цехов было так много, что ей просто не хватало места. Уже неделю спустя мы узнали, что наша родная деревня была оккупирована фашистами, все разоружено. Теперь я, возможно, единственный, кто может защитить сестру. Так в свои 14 лет мне пришлось взять на себя ответственность, повзрослеть, я не мог показать слабость перед сестрой. Мириться с прощанием фашистов я тоже не мог.

Они уже вступили в город, но я не боюсь, уже как месяц я состою в партизанском отряде. Я молчу большинству, хотя бы потому, что фронт меня не пускают, вот не подумайте, я сама по себе крепкий, здоровый нормальный, но я слабее тех парней, которые ходят к линии обороны. Но я тоже небезопасен, хотя по городу, расшешивато плаката с христианскими фразами "разобей врага на их территории", "Титсер капут". Мне кажется, мой веро хватило бы на сотню побед, но реальность сильно хуже, тети достала Биде-тогда Урама, там безопаснее, да я она селомас бы поехать на заводе. Мне так и не суждено увидеть с ними.

Во время моих партизанских дел меня схватили вместе с парой товарищей. Я навсегда запомню немца, который нас схватил. Единственное, что я помню-то боль, страх, поезд.

"Дорога"

Свой дневник и ручки к нему я всегда носил с собой, это последний подарок отца перед тем, как он ушел на фронт. Отец всегда вел дневник, если он жив, я уверен, он тоже его ведет, возможно, он пишет нам письма, но место, куда бы они шли, попросту стёрто с лица земли.

Дорога длится не так долго, но я чувствую, что прошла вечность. Единственная моя мысль: "Как там Сия?". Я понимаю, что ничего хорошего от немцев ожидать не стоит, я даже не знаю, куда они нас везут, но я не могу не вернуться домой к Сие.

В вагоне нас много, поезд был тоже внушительных размеров, все были разных национальностей среди нас были: русские, цыгане, евреи, поляки. Мы увидели перрон, везде были солдаты в черной форме, рядышком стояли стальные и огромные сварки. Выдается грохочущий, холодный, как сталь голос, мы вышли из вагона и распределились на группы. Осознание пришло быстро, мы попали в ад, и дороги назад не будет. То левого сторону перрона стояли пожилые мужчины, среди которых были и евреи, и цыгане. Я оказался по правую сторону вместе с детьми, женщинами, крепкими мужчинами. Мои товарищи были чуть старше меня, одного из них отправили на

левую сторону. Всех, кто бои шева, отправим
в „Баню“ на дезинфекцию. Перед тем как все заи-
ли туда, им приказали раздеться. Вещи они по-
весили на крючки. Я тогда точно видел, что там
происходило, они все зашли, и: было человек 30,
включая моего товарища, я все думаю, как же
они будут молиться, там же совсем нет места.
Нельзя дожидаться, когда все зайдут, и закрои-
дверь. Нас убьют, но не в баню. Каждому выдали
воду, она была теплой и мешковатой, в 6-го-
мудило и баню помыли всех отправили к месту
душа парикмахера в такой же воде, он вычесал
всем волосы, девочки не стали исключенными. На
запах в бане во время татуировки с носом ра-
ли. Теперь мы боимся скот в глаза эзс совет.

Начало ада

Идет мой второй день в концлагере Собибор. На-
чала я думаю, что дрянь, которой нас хоронят
и шивой брехва и каких-то опилок, ужасная
кровать, вечно опущенные и болющие нас эзс совет.
Это ужасно, но как же шивой я себе думаю

Люди, увидевшие в баню, не возвращаются из-
ней уже часов 5. Нам комендант зашел к нам и
подал несколько крепких мешочков и парочку пог-
ростков, вроде меда. Мы без лишнего стора поид-
ли за мши, перед этим каждого шивой шивой,
чтобы вопрос о коменданте не стоял ребром.
Мужики отправили к бане, я шивой за комендан-
том, но мой взгляд падал на медиков: шивой,
я увидел уже открытую дверь. Мужики бо я неког-
да не видел этого, мужики бо я ошел. За железной
дверью я увидел горы трупов, каждой бои
бит, многие уже начали разлагаться, тогда
я увидел в глазах тех мужиков отчаяние.

Нас партия во всем ближе к перрону, он, к шив-
бу, как и весь лагерь, нас содвинули за комендант про-
волок под напряжением. Шивой галкнцу что-
то, было среди нас бои и маленькие захвачен-
ные, которое все понимали. Нам дали приказ
сортировать одежду, ценности, украшения, они
пойдут в Германию. Я перебираю вещи этих нес-
частных людей, а перед глазами всплывают и:
целюбки, я уверен, что слышу их голоса. А потом я
вспомнил горы трупов, лежащих друг на друге

"Их убьют газом" - эту фразу я услышал от своего старшего товарища, после этого мне стало дурно, мое тело и разум скованы отчаянной, животной страх, я думаю только о том, как бы спрятаться, где укрыться, как сбегать. Ночь мне снится умершие. Я не представляю, о чем они думали, что испытывали, когда понимали, что больше никогда не воскреснут.

"Скот"

Каждый день мы живем рутинной, подвешенной около 4 утра, уборка 45 минут. Наши кровати должны быть идеальными, матрац сбив, подушка выровнена до идеального приемущества. Жидко - самое неприятное люди, которых я когда-либо видел. Каждый утро наш надзиратель проходит с линейкой и проверяет наши постели, если кто-то проведется, то его убивают, если проведется много, то страдаем мы все. Люди стали настолько злобными, что и без надзирателя убивают проведшихся. Это чувство преследует нас постоянно. Мы видим, как живут западные пленные, англичанам, американцам и прохия "Красной крест" отправляет посылки с пайком. Евреи и жители Советского союза были словно скот в залоге, нам не полагалось ничего, кроме супа и гнилой брюквенной картошки, или же хлеба с лимонной порцией жира и сахара, ни о каких тушенках и сигаретах мы не мечтали. Там, за забором, было видно, как друще играли в вайбол, а мы, одетые в рваную одежду, просто расходной материал, раба, скот, который используют, как только мы станем ненужными. С каждым днем моя психика и расстройство ухудшаются, если бы не дневник, я бы вероятно сошел с ума. На каждом из нас есть нашивка, звезда Давида - самое худшее, что можно прицепить, его нашивают евреев, а они, как известно, враги Гитлера.

Каждый день работает машина смерти с названием концлагерь, я вижу, как умирают сотни людей каждый день. Крематорий не перестает работать, дым поднимается на десятки метров вверх, это души умерших пытаются найти по-

кой

"Новое начало"

Вот и август. Моя жизнь резко меняется. Сегодня, обессиленные от тяжелой работы, голода, страща и постоянного чувства надвигающейся смерти, заключенные поднимают бунт. Бунт, естественно, подавили, наказали всех, мне и еще некоторым заключенным повезло, нас просто ударили палками до потери сознания. Другим получили газовую камеру с угарным газом, кого-то травлили, как насекомых. Хотя мы выжили всего лишь бухаликами в глаза. Ээээев

Других ударили одним из излюбленных способов фашистов. Люди звали на "медосмотр". Выдвинулись, мужчины шли к врачам, их спрашивали про состояние здоровья, врач в белом халате отправлял их удерживать пост. Подходя к ростометру, мужчинам поправляли голову, а они, в свою очередь, получали пулю в затылок. За ростометром находилась камера, в которой стояли солдат с ружьем, через отверстие в ростометре "пациент" получал пулю в затылок. После подобных ужасов, осознали, что нам никто не поможет, многие потихоньку ходили с целью. Это касалось даже солдат, наши палачи не восдерживали и заканчивали жизнь самоубийством.

Тем не менее последствия от бунта были достаточно большими, меня и около 200 других заключенных посадили на поезд. История опять повторяется. Я еду в неизвестность, но уже абсолютно один, те, с кем я приехал, умерли либо от голода, либо их убили. Мои мысли опять крутятся вокруг Оли. Каждый день я думаю, как выдержу из этого ада, как крепко обниму ее и прижму к себе, куплю столько конрет, сколько она захочет

"Освещены"

Три недели мы довольно-таки быстро, процедура приема привезших заключенных была такой же. Нас повели к воротам нашего нового пристанища. Я поднимаю голову наверх в какой-то надежде

Все мы знаем фразу "Оставь надежду всяк сюда входящий" над воротами лагеря висела жидованская фраза "Труд освобождает".

Тройде „Собибор“, я понимал, что нас освободит только смерть. Люди в „Освенциме“ во многом намного хуже, чем в Собиборе, думаю, нас всех перебьют. Моя надежда почти исчерпана, единственное, чем я живу - мысли о семье и друзей. Весь мир не знает о преступлениях нацистов, я надеюсь, мой дневник, фотографии, возможные свидетельства станут для фашистов смертной приговором. И пока я здесь, я буду нести веру и память об умерших в этих условиях людей.

Как я и предполагал, жизнь в Освенциме намного хуже, это самая настоящая ад. Тело, газ, зовокамерой, крематории работают тут без остановки, но немцы не утомлены жаждой крови, тут настоящая ад и для детей.

Если в Собиборе и детей брали только кровь, то тут этим не ограничиваются, поэтому перейдем к следующей главе.

„Детский барак“

Условно мы и девочек уживаем вместе с матерями в газовых камерах. Матерей можно спасти только бегством, если у них были мордические черты лица или отравлены в детский барак.

Все мои живые в бараках, как для молодых, в Собиборе они тоже были, но в Освенциме есть отдельные детские барак, куда попал и я. Взрослые в этом лагере стараются подбодрить меня и других людей, они делают все, чтобы обратиться к нам, поделиться едой, обрадовать. Часто мы вместе с другими русскими заключенными разных возрастов сидим за барак и пьем наши песни на родном языке, в эти редкие моменты у нас появляется надежда на возвращение, каждой из нас представляет себя в окружении семьи. Неважно мужчина или женщина, старей или молодой, у каждого под эти песни текли слезы, дети тоскуют по родителям, но, а мы со взрослыми понимаем, что убедить наших родителей невозможно. Несмотря на это, моя надежда не ушла.

Кровь - важный ресурс на войне, дорогое, конечно, но всех не хватит, поэтому кровь брали у нас. У детей ее берут больше всего, так как мы не подвержены тяжелой работе, но фашисты берут почти всю кровь, многие у нас умирают от недостатка крови, ежедневно кремируют около 20-30 детей, а их прах рас-

вают над небольшими придами за лагерем. Поимую
крови у нас берут спинномозговую жидкость. Я помню,
как кровь забирала у меня. Женщина считает, что
самая чистая кровь у голодных детей, мне удалось
поесть перед сбором крови, не знаю, возможно ли это,
если бы не мои зубы забрала почти всю кровь, как только
это закончилось, я упал без сознания, надежда. Оч-
нулся я уже в лазарете, медсестра, медсестра, подали
мне хлеба, я понимаю, что больше она сделать не может,
но за медперсоналом следят меньше, чем за солдатами,
поэтому она смогла прокормить меня хлебом. Я съел его не
сразу, темнота и мновенно наступила как тьма, моя
понимая, что если я не поел, я умираю от истощения,
а там за койлочей проволоккой сестра. После моей тра-
пезы я пал в дальней сон, мне снилась сестричка, её доб-
рая улыбка, широкое лицо, не знаю наверняка, но я уверен,
что этой ночью я плакал, мое сердце болело из-за неё.
Так я провёл свои первые дни в Освенциме
„Ангел смерти“

Йозеф Менгеле, так зовут нашего главного мушкетера.
Это не человек, он был монстром, сатаной во плоти.
Возникает он, как настоящий враг, всегда при параде, но
лица его горят безумством и смертью, а улыбка зна-
чит верную посылку для нас, поэтому мой маленький
больше радуется, когда он не в духе. Менгеле изучает
наследственность, больше всего его интересуют близ-
нецы. Для него я совсем не интересен, внешностью и
арией, лица не харизма, а значит, я могу убеждать эки-
пидентов.

Близ поимам на чистоте крови, Менгеле интересуется
близнецами, так как чем больше детей сможет родить
идеальная невестка, тем лучше для Зорера и Вейда.
Больше всего доктор Менгеле ставит эксперименты над ев-
реями, почему, никто не знает. Я видел, как он ставил
уколы прямо в глаза бедным детям, в этих ипримках
находились разные химические вещества, голубых и
они не пощачили, но пощачили слепых детей, которых
отправляли в печь.

Менгеле - настоящий монстр, незнательный псалом-
ти. Он приходит к маме, моя воистраиваемся по шпиль-
ке, он садит себе маленькую на колени, после чего спо-
койным, ровным тоном говорит: „Зови меня дядя Мен-
геле“, затем он даёт ребёнку сигарету и приказывает
таким же ровным тоном ввести смертельную

инъекцию пришло в сердце ребёнка. Такое случается несколько раз в день. Как мне кажется, ужасы концлагеря даже близко не стоят к Аннели смерти (так мой зовёт этого докторшишку) и детскому барачу.

Сегодня к нам приехала комиссия из "Красного креста". Меню мы решили разогреть Лоттешкидские деревни, и всех пациентов в плохом состоянии добились, тех, кто мог рассказать про его зверства в госпитале. Убедили смертельной инъекцией. Трудно не успели сжечь, поэтому их skinцы пришло за бараками, они все ещё боимся тепловыми. Всех детей согнали в общий барак, а самых упрямых и ругающих распорядились в детском бараке, чтобы показать хорошие отношения к заключённым. Позже мы узнали, что спасшая меня медсестра, пошла спасать нас, она воювала комиссией всё, что здесь происходит, но она ей не поверили, даже не удостоились посмотреть за барак. Новость об её героизме быстро разлетелась по лагерю, мы уже понимали, что её ждёт.

Вечером того же дня всех детей вставили в лагеря, а нашей спасительнице поставили укол, содержащий бензин. Мы все смотрели на то, как она умирает, психика многих боимся смерти, все же тут боимся дети, а что касается меня, то я уже привык к подобному. Видеть смерть моей спасительницы, однозначно, ужасное зрелище, я уверен, ещё несколько ночей она будет снится мне в кошмарах. Кажется бы, надежда погасла, но я продолжал жить мыслями о сестре.

"Селльх"

На несколько месяцев я забросил этот дневник. Я даже не знаю точной даты. Вести его с каждым днём становится всё опаснее, я не знаю немцы или, а поэтому он не пройдёт цензуру (Хёсс, наш командант, не допустит записей ни на их языке), скорее всего, при обнаружении этого дневника меня арестуют, а после привет, газовая камера, меня, как и мой дневник, превратят в прах, вот тогда наступит отчаяние, сознание собственной немужности, ведь мой труд не увидит мир, я не вернусь к сестре, не переживу освобождения.

Мне уже 15, хотя немцы не считают меня личностью, но я уже не считался ребёнком, детской барак и Аннели смерти позади, меня перебили в обочинной

барах, к простым зашитою. Теперь меня точно также будут избивать и скорее всего отправят работать на завод, буду делать камни-нибудь Volkswagen. Хотя все лучше, чем быть подготовленным для фармацевтической компании. Я слышал о зверствах этих докторов, я даже лично знаком с Менши, но опостыло на взрослых еще не видел.

Когда меня привели в бараки и показали мою койку, я познакомился с соседями. Мои соседи - 2 матроса из СССР, как же я рад возможности общаться с земляками, в детском бараке, конечно, тоже были русские дети, но они все время плакали и их избивали, а тут я мог полноценно общаться и воспринимать Водину вместе с земляками. Эти матросы очень приветливы ко мне, специально попросили обратиться к ним на "ты", они сказали, что я хоть и подросток, но глаза у меня взрослые

* * * * *

Сегодня я первый раз закурил. Я понимаю, порядочному советскому мальчишке нельзя промолчать подобным, я даже могу сказать, что мне стыдно за это, но тем не менее жить в лагере становится слишком невыносимой, мои раны на спине от украинских палок не заживают, я уверен, они все в итоге. Все дети на свой день рождения получают торт, подарки, но я в свои 15 получил 3 сигареты и кусок хлеба. Мои матросы Вова и Лейла добились немного сахара, насочпали его на хлеб. Мои глаза заблестели. Это был лучший день за последние месяцы, я так рад, я нужен. Вова и Лейла по-настоящему моя лагерная семья. Как я делал свой торт, мы стали петь настоящие военные песни, я слышал про подвиги моей семьи, слышал про их красавиц жен, Вова даже пообещал назвать дочку Оленкой, как мою сестру

"Комедия рои"

Лагерь забирает все: имя, фамилию, личность, семью, воспоминания, мечты, надежды. Остается только номер на запястье, а после - пеня.

Уже как полгода вместе с назваными братьями я живу в бараке, как я и предполагал, мы вместе с матросами трудимся на заводе, мы просто работаем франшизой, расходной материал, мы неважно, если кто-то умирает, они просто привезут других из Осветуши, более известного под названием Буржана. Если та

еврей, то у тебя была только одна дорога, в Биркенау, выбра-
раться оттуда невозможно, как и у нашего Освенцима.
Я все чаще стал замечать Вайсманей, идущих
вместе в ночной тьме. Каждую ночь я соскакиваю из-за
кошмаров, если ложусь спать в сознании. Той ночью сф
Морок и истощение преследуют нас постоянно, но я
начинаю находить их не такими уж и страшными, хотя
бы в эти моменты я могу воспаться, меня не преследуют
терзающие мысли о соидатах. В эту ночь мне снился
наш мадзиратень, но я никогда не забуду. Он воссоздает
как мечта Вейха: высокий рост, отменный телосло-
жения, бледно-голубые глаза, в отражении которых ты
видишь свою смерть, бледная кожа и светлые пыльные-
ные волосы, настоящий армеец, поди кино, всегда ходит
его опрошенная сварка. Вреши, проведенное в Освенци-
ли лишило меня способности видеть мир в крас-
ках, все, что я вижу - простое черно-белое картинно,
хотя нет, всё я вижу красной, столько крови пролива-
ется тут ежедневно, сколько не проливается ни на од-
ной линии фронта. Сколько бы я не спрашивал у
моих братьев, что они обсуждают они отсижива-
лись. Почему? Неужели они ~~были~~ не доверяют мне,
я что краса какая то, которая-то за хлеб пойдёт дого-
шить Хёссу о их ночных разговорах?

„Пепельное сокровище“

Сегодня нас с братьями разлучили, я отправилась
разбирать одежду евреев, приобщивших к перронау. Глав-
ная, они сказали, что их трудоустраивают на завод.
Ха-ха-ха слышно, что кто-то доверяет этим
тварям. Понятия чести у них отсутствует. Нем-
цы не стали распределять евреев, как нас, по кате-
гориям, они попросили всех раздеться, а вещи оста-
вить на перроне, перед ними Гуденвар Хёссу убедил
всех, что вещи останутся в сохранности. Как же мне
хочется закричать им: „Вас всех засудят в газовую
камеру, вы не сбежите, никогда больше не увидите
детей!“ Но я молчу, меня молниеносно застрелят,
если открою рот, поэтому стиснув зубы, я молчу,
молчу как краса, всё это ради сестры, я встиву и
вырвусь к ней, но для этого нужно быть посланцем
бога.

Как я и предполагал, 2000 евреев согнали в газовую
камеру через 15 минут каждой бои мертв. Мои с-
дружески закинутыми вортированы их вещи, муж.

чина, старшие меня водирами золотой зуби с трупов,
а потом мои скидовади трупа по телам, после чего
вышли в хрипаторий. У меня сообража по несчастью
я увидел вымя, полный ужаса, отчаяния. Он все буд-
наш просидя „Mein Schatz“ за все время в замоченши, я
стал освещаться в немцах, эта ерраза означают
„мои сограждане“, я все пошел, он все трупу своей женой.
Я никогда не забуду его слова, вымя, теперь он мер-
твец вместе с ней.

„Матросы“

Семья самое важное, что у нас есть. Я снова теряю
ее

Матросы работают на каменоломне, меня отстраня-
ли от тяжелого труда, но мне пришлось потерпе-
вать колоссальное количество крови. В этот
день я не устал в обморок, поэтому передираю одежду
новых „живых трупов“, которых запустили в газо-
вую камеру.

В один из моментов я усвоил восторг, я поду-
мать не мог, что история, как в Собиборе, повторит-
ся, началось восстание. Как я узнал позже, Вова и Лейша
остались 1:1 сохраной, они были и были истощены, но
советского солдата ничего не оставит, они перехва-
тили ружья и перестреляли этих драмистов их
собак, но одну собаку убить не удалось, они промахну-
лись, а эта собака подала сигнал, моих братьев
схватили.

Я не знал, что подобное может произойти, ду-
мал, провинившись решил расстрелять, но вернув-
шись в бараки, я не мамой своей семье. Обед сегодня ка-
зился особенно отвратительным, от шипящей картошки ужас.
Но болит живот, но все же не едим, то умираю, а я должен
бороться до конца. За трапезой Вова с Лейшей не было,
я серьезно забеспокоился, но виду не подаю, ближе к
вечеру нас всех вывели из барак, весь концлагерь,
включая каждого немца, собрался у висельницы.
Я стою в первых рядах, когда я увидел, кого тащат
к висельнице, я обомлел. Мои ноги подкосились, и
сделалось так дурно, так невыносимо, мои глаза
заблестели, я хотел кричать, ведь перед всеми мои
дети предстают мои братья. Железы знают, что
они были солдатами Красной армии, поэтому все
люди из СССР, которые находились в лагере, были в
первых рядах. Это сделали, чтобы окончательно подавить.

нашу веру, немцы слышали наши песни о свободе, Роди-
не, они понимали, что слышат дух русских немцев. Да-
же сейчас Вова с Лейлей не боятся, в их глазах горит
огонь.

Немцы поставили их прямо перед петлями, в один
момент Вова кинул немца в живот, тот скорчился,
Лейла сделала тоже самое, они напали на петлю на
свои иды. Они не дали немцам убить себя, они не
преклонили перед ними колени, а сейчас, с верев-
ками на шее, они свистрели на меня. То мои
щипки двумя ручками теми слезы, я не верю,
не хотел, чтобы моя новорожденная семья поки-
дала меня, я боюсь, снова оказаться в одиночес-
тве, боюсь снова быть один. Они оклеивали бумагой
двери всех своих сограждан, взрослых и детей.
Где-то там повесится они крикнули нам: „Сра-
жайтесь! За Родину!“ А потом их не стало.

Я смотрю, как безжизненно болтаются там
самых близких людей для меня, я в отчаянии пла-
каю и кричу, слышу крик и слышу небо. Сейчас я
лежу в своей кровати, а по бокам их постели, та-
кие холодные и пустые. Больше я не услышу ис-го-
лоса, не слышу с ними песни, не услышу шутки и шу-
тки, теперь и без того холодной барак навсегда опус-
тится в проливающийся туман.

„Эксперимент“

Одиночество. Это чувство сведает изнутри, каж-
дый мой день превратился в ад, изурядительной тьме,
сдача крови, скорбь. Скорбь - это то чувство, без кото-
рого жить на войне невозможно, она преследует
меня по пятам, сначала по матери, потом по шир-
мешу поварищу еврейского еще в первой день в Собиборе,
потом по моей мауванной семье.

Меня все бьют, с каждой днью трупов детей
все выносятся выносятся из детского барака, но нача-
лись загадывать амури, что Красная армия
победит и все бьют подбирается к Берлину.
Я не знаю где я, в какой стране, и марширую дер-
жится в секрете, немцами запрещено говорить с
нами на отвлеченное от дисциплины темы.

Я думаю, что шурки правдивое, Эксперимент ста-
ли проводить всяческие эксперименты над нами.
Мы стали жертвами фармацевтической ком-
пании, еще с самого начала, каждой день заigno-

чинных заражают малярией, тифом, а после вкалывают всевозможные препараты. Конечно, вся информация концентрируется, а эти нацистские деды из "Красного креста" ничего не знают, хотя, казалось бы, это их работа - защитить нас от подобного. Обычно все химические вакцины, таблетки и прочее тестируют на кроликах, но в Освенциме, как и любой другой лагере, мыщанное и человеческие правеша не работают.

Я смотрю на преступлений фашистов против людей и вспоминаю Вову и Лейку, живши бы они сейчас? Может смерть через виселицу не такая уж и плохая, как это могло быть? В Лейку, наверно, ввели бы эту химическую дрянь, а Вова бы крепче, над ним бы ставили опост, для "вашикой" германской армии.

Эти эксперименты я не видел, но их видели други. Я не могу оставить жертву моих братьев на произвол судьбы. Я должен засвидетельствовать все, что произошло с этими стариками, от боли там белорус, там украинцы, но по-нашему говорим как будто живи в Берлине всю жизнь. Я так рассказываю об экспериментах, сначала он отрицался, но я настаиваю.

Эксперименты заканчиваются в следующем: крепких мужчин помещают в камеру и начинают давить, после чего повешают. Когда они теряют сознание, то Мемеле их вскрывает, так же шо "помогает" фашистским лейтентами.

Других бедолаг помещают в камеру с медленной водой, где они проводят около 3-5 часов, прежде чем умереть. Все эти кошмары происходили с 1943 по 1944 год, об этом мне тоже рассказывали дедушка, в 1943 я бы еще в детском лагере и смотрел за преступниками Мемеле только над детьми.

Мне опять везет, я работаю днями и ночами на заводе на кашекарных машинах, труд адский, но я знаю, что меня не убьют вакциной и не отправят на эксперименты. Когда охрана меня видит, я веду дневник. Она когда-то прочтает все это, знает, что я живу ради тебя.

"40 рейхмарок"

"Наши дни тянутся тяжело, я превок к жестокости.

Благодаря Адольфу Валтеру появилась идея создания мест, где будут держаться заключенных, я уверен, что он даже не подозревал о том, что творится в этих концлагерях сейчас. Как и мои братья были повешены, то мне представилимисса лет 45. Он боже мой - то учитель или ученый, добрую половину его слов я не понимал. Но за все время я стал самым лучшим ориентироваться в лагере, даже могу составить простое предложение.

Идет начало 1945 года, уже больше года я нахожусь в лагере, моя вера все умирает, но у меня есть цель, ради которой я живу, русские пойдут к Собибору, поговорят, они освободят. Интересно, сколько людей осталось в живых, после моего отъезда оттуда? Собибор на всегда останется местом братской могилой, где похоронен мой товарищ, убо, я уже не помню его имя, люди в Освенциме думают, бойод движет на нечеловечески поступки, здесь я не вижу признаков молодости, но я не вижу подобного, наверное потому что большую часть времени нахожусь на заводе.

Я часто общаюсь с женщинами в бараке, но их становится все меньше. Многие подвергают стрессу, больше поговорию просто не переживают этого. Французская компания пришла раньше, они стали покупать наших женщин, стали они 200 рейхсмарок, но французы платили только 70, уж не знаю, как они договаривались. Видно, что девочки моего возраста подвержены такой участи, они не должны видеть всего этого. Представляю, что она столкнется с такими, стало страшно, надеюсь, она где-то в безопасности, ждет меня, придет откровения.

"Марш смерти"

27 января 1945 год. День, когда все перевернулось с ног на голову. Утро началось как-то иначе, я вижу как-то непонимание в лицах солдат. Нам собрали по цепочке, я закурил. Глаза мои отбрасываются на женское равнодушие ко всему, я думаю, что всех нас заведут в газовую камеру, но нематомное движение эсэсовцев подсказывают, что это не последний мой день. Докурив сигарету, я сбросил окурки на землю, все, наконец-то, вышли из барака. Мы шли в неизвестность.

Имя мое очень долго, теперь боже опустевшим, но я не знаю, остались ли там люди, Освенцим

остался позади, конючая проволока за спиной напоминала о моей свободе сейчас. Мои шны друл за другои очень доло, дорога всі не кончалась, а шны нас покидали. Мы боси истощены, многие всеи окоо 30 килограмм. Когда кто-то падаи, то тут же расстреливаем, мы обходим этих бедоог и шны дальше, трупы на земие боси предлами напоим напоим, шны таи, что нужно продолжать идти не смотря на что

Мои товарищи по бароку маваи этот путь "Маршем смерти", дойти можно только обратное. Наши надзиратели стоим дальше, я боси так далеко от них, что абсолютно не видел черной сороки. В моих глазах мелькнула мысль "Бели". И я побежал, я бежал многие километры без остановки, оиногда только на трупы, у которых текла кровь из затылка. Я бежал, пейзажи менялись, я выбежал в поле, впереди меня шны беженцы. Три строивших книги, я покрасил куртку, она скосила только верх рубашки, но теперь я не так бросаю в глаза. Мы с этими австрийцами - беженцами продолжали свой путь, шны мои долго, мои ноги стали трястись от усталости.

Тогда мы шны, я услышал от своих спасителей, что они жили в деревне где-то в Австрии, но бежали шны, так как боевые действия подбирались все ближе, я узнал и прочитал тоже же лагеря. Собираю, узнаю, как нещю вырывают колючею проволоку. Из-за того, что нас было слишком много, гашицы просто не успели расправиться с нами, поэтому начался марш смерти. Я не знал, где я и где искать спасения, беженцы боси моей единственной надеждой. Я думаю только о сестре, наконец-то, аа за кончится, и я встречу еі, но на горизонте появились жасовцы, шны, как и мои надежды, рухнули в одночасье. Они увидели моего роду, схватили и прижали к земие, шны ритмичная дорога полностью вошлотала меня, я не мог сидеть ничего, мой затылок почувствовал колючею стволы, австрийцы окружили меня и 2 нещюев, в чьих руках моя судьба.

Я не плачу, я смирился и даже босе готов к такой участи, но как же шны, шны, когда я за пределами Австрии, меня просто убьют?

Австрийцы направились на моих убийцу, выдвинули оружие, началась драка не на жизнь, а на смерть, я

сложно волевать из этого куска дерущихся людей, ещё пару мгновений я с ужасом смотрю на них. Потом я отомкнулся и что есть мочи побежал в лес.

"Лес"

В лесу я уже здесь, я ещё парочка беженцев нашими укрытия в сарае, он забран и почти разваливался, но это лучше, чем ничего. Пытаемся мол всем, что найдём я долго провёл в конце лагеря, поэтому найденной пищи мне вполне хватает, я даже мадаю. Сегодня я вышел на разведку и увидел цепочку коммюнистов. Как же я обрадовался, когда увидел на них русские надписи, я побежал на дорогу и стал махать танкистам, они сразу поняли, где я бои. Генерал спросил, в каком из лагерей я бои. Я ответил, что это бои Освенцим, они сказали, что Освенцим полностью освобождён.

"Дорога домой"

Красноармейцы-настоящие ангелы, принесли мир, спокойствие и надежду на возвращение. Они помогли добраться мам с беженцами до безопасности, накормили. Я совсем отволок от обочины еды, она была такой вкусной, после каш и супов из чинии. Я узнаю, когда пойдёт поезд до дома, наконец-то я вернусь, я готов ехать стоя, но доехать к сестре.

Уже через неделю я сижу в вагоне, боевиков заключённых из концлагеря едем домой. Мол все молчали, радость перед грядущей встречей с родными да даже с мамой бои очень велика.

Следующим утром я сошёл со станций и побежал в сторону тёплого дома, я бежал, что есть мочи.

На пороге дома я увидел девочку, я даже сразу понял, что это моя сестричка, я побежал к ней, стиснул в объятиях. Как же мол бои счастлива в этот день! Она сильно плакала, думала, что я никогда не вернусь, а я пришёл!

Пришёл ради неё одной, судьбу отца я узнал почти сразу, он был воевал, теперь я буду героем своей страны. Теперь никто на свете не радеет нас!

Мой дневник будет свидетельством всех зверств, которые нас подвергли фашисты. Мир навсегда должен запомнить, что такое фашизм, должен запомнить Освенцим, Биркену, Собибор, Треблинку и другие лагеря, с ужасными в них миллионами людей.

*****

16 августа 1954 г.

Сейчас у бывших узников концлагерей есть свои дети, внуки, правнуки. У меня самого родились сыновья, Вова и Лёша, они названы в честь моих товарищей — погибших товарищей, научивших меня идти до последнего, подаривших мне семейную теплоту, пусть и на короткое время. Все дети бывших заключённых родились чудом из-за того, что их родители воюем, а сколько детей не родилось, сколько людей не воюем из-за того, что начались. Их поименно города Мухомор Террор Тиминер в 1933 году открыл первой концентрационной лагеря.